

О МОРАЛЬНОМ ВИДЕНИИ ИСТОРИИ И ИДЕОЛОГИЧЕСКИХ ВИДЕНИЯХ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ГУРУ

Мухачев Вадим Владимирович
– д.филос.н., профессор (Москва).

Александр Ципко, однажды избравший
для себя - то ли в силу возраста, по поводу
которого публично объявляет о своей «за-

канчивающейся жизни», то ли в силу многолетней биографии профессионального теоретика-обществоведа, - роль отечественного гуру, раскрывающего всем нам глаза на самих себя, свое прошлое, настоящее и будущее, никак не дает о себе забыть. В последние годы, разъясняя нам, кто мы, откуда и зачем пришли в этот мир, он упорно отстаивает «моральный» подход к пониманию и объяснению истории.

Летом 2007 года при обсуждении результатов всероссийской конференции «Актуальные вопросы преподавания новейшей истории и обществознания в общеобразовательных учреждениях» Ципко выступил со статьей «Не надо бояться правды» («Российская газета» от 4 июля 2007), где утверждал, что «из отказа от моральной оценки национальной истории следует отказ от исторической правды». Своим же оппонентам, говорившим о необходимости разграничения морали и науки, устремленной к познанию объективной истины, Ципко отвечал следующим образом: «Надо понимать, что русский человек не просто ищет в истории истину, а он прежде всего ищет правду, справедливость».

В прошлом году он также отметил очередными, проникнутыми заботой о роли морали при изучении истории, публичными откровениями и поучениями.

В статье «Как это было. Комментарии к нашей странной контрреволюции» («Политический класс», №№ 40 и 41) Ципко признается, что ему грустно: «Грустно не потому, что наше слово и опыт не имеют ценности для новой России. Грустно не потому, что наши поступки, наши скромные подвиги, наши усилия сделать страну свободной не имеют ценности в новой России». Ему грустно потому, что «на самом деле на забвении ближайшего прошлого ничего серьезного построить невозможно». Поэтому Ципко озабочен тем, что в то время как «нынешнему поколению, чтобы все же стать россиянами», надо знать все свое прошлое и задумываться о будущем, это «все прошлое», имеющее «интерес для него как исследователя и гражданина, мало востребовано нынешним временем». По той же причине, признавшись, что не может «отказаться от искушения, как говорят в народе, открыть глаза на правду, на природу нашего освобождения от коммунизма», он повествует о дне вчерашнем, об открывшихся ему особенностях распада СССР и рождения постсоветской России.

То, что на забвении прошлого сложно жить в настоящем и еще сложнее двигаться в будущее, понятно каждому студенту. Дело в том, чтобы как можно более точно, а не приблизительно, знать это «прошлое».

Из повествования Ципко можно узнать, что «мы уходим от коммунизма не так, как, к примеру, поляки, чехи, венгры», что «коммунизм у нас умер, но какого-либо серьезного антикоммунистического движения не было», в силу чего «и в идеологии нашей контрреволюции, и в механизмах ее осуществления с самого начала было много ложного, поддельного». Почему все это было так, а не иначе, не «настоящему», Ципко объясняет следующим образом: «Истина, на которую я хочу обратить внимание читателя и которая объясняет особенности нашей эпохи, состоит в том, что все же не мораль и не порыв к свободе стояли за нашей так называемой демократической революцией».

Заметка «Снова «Красный проект?» («Литературная газета», № 26 от 25 июня 2008 г.) написана с тех же мировоззренческих позиций теоретика-моралиста. Ее автор с присущими ему, как пишет он, «перестроечной душой» и «перестроечным умом», вспоминает, что перестройка «была связана с убеждением, что все же хотя бы в идеале можно подчинить политику морали, что моральная оценка истории не только возможна, но и необходима». А далее, сетуя на то, что обществоведы, которые вместе с ним судят о ленинизме, сталинизме и советской политической системе в целом «с моральной, христианской точки зрения», остаются среди экспертного сообщества в меньшинстве, Ципко обрушивает свой морально-публицистический гнев на тех, кто рассуждает о будущем России с позиций русского мессианизма. В первую очередь, на авторов книги «Крепость «Россия», подготовленной Михаилом Леонтьевым.

Здесь «по полной» досталось всем. И «яростно красным Сергею Кургиняну и Михаилу Хазину», и «бывшим либералам в лице Сергея Маркова и Владислава Глазычева», и Михаилу Юрьеву за его «бред», и всем им вместе - за «чистое шарлатанство и циничное одурачивание простого народа». Заодно досталось и «простому народу», у которого, по мнению Ципко, остались «все те слабости русского человека, которые толкнули его в объятия большевизма, осталось легкоеверие, дефицит самостоятельности мышления, русский максимализм и наша традиционная вера в чудо». Досталось даже Думе, за то, что «в ответ на украинское националистическое прочтение истории и истоков голодомора 30-х годов» она «решила ответить еще языком марксизма-ленинизма».

В общем Ципко – последовательный и строгий адвокат «морального метода» при изучении и объяснении истории.

Наука и мораль – не «близнецы-братья»

Честно говоря, на публицистическом творчестве Александра Ципко можно было бы специально и не останавливаться – ну, мало ли, кто и чего не напишет, не насочиняет очередные повести тех, перестроечных, или других, «пламенных» лет – если бы не одно «НО».

Дело в том, что Ципко – не писатель, изучающий и описывающий межличностные отношения людей, их поведение, психологию и мораль, а затем воплощающий свои представления о нравах в некие литературные образы. Ципко – профессиональный общественвед, полагающий предметом своего изучения общество, закономерности его развития, так или иначе проявляющиеся в различных, в том числе политических, процессах. А общество как определенная система отношений между людьми, в отличие от отдельных исторических персонажей, составляет предмет изучения не писателя-моралиста, мастера художественного слова (и вымысла!), а – ученого, профессиональной обязанностью которого является установление объективной истины, какую бы, с этических или эстетических позиций того или иного мудреца аморальной или безобразной, она не казалась. И это накладывает на любого обществоведа-теоретика огромную социальную ответственность за публично распространяемое им знание. За то, чтобы, говоря словами Ципко, не «заниматься шарлатанством и одурачиванием простого народа».

Между тем, Ципко постоянно путает мораль, нравственное сознание с научным знанием, которое, чтобы быть предельно точным, не должно изначально содержать никаких моральных или иных оценок. Не «отказ от моральной оценки ведет к отказу от исторической правды», как думает Ципко, а, наоборот, отказ от поиска точного и потому научного, знания об истории ведет к полному произволу в моральных оценках. Только получив точное эмпирическое знание и выработав на его основе столь же точное теоретическое представление, ученый как человек и гражданин получает право на суждения морального толка. Личные суждения с позиций морали в этом случае предопределены объективным знанием. Но когда последнее отсутствует, то любое морализаторство ведет к субъективизму, а теоретическое видение исторических событий и персоналий оборачивается идеологическими видениями.

Александр Ципко напоминает, что он – «философ по образованию, посвятивший много лет изучению философии истории» и потому, отстаивая «моральный подход» к изучению истории, он одновременно претендует на право говорить от имени науки и на открытие обществу неизвестных нам «истин»: «Наука о природе политических изменений ничего не стоит, если она не вобрала в себя опыт распада советской системы сначала в странах Восточной Европы, а потом в СССР». Или: «У нас порой нет главного условия прогресса – культа истины, правды, уважения к факту, к реальности».

Кстати, о «культе истины» и в этой связи некоторых фактах из истории познания. Этот культ был присущ идеологам французского и немецкого просвещения конца XVIII – первых десятилетий XIX веков. Именно тогда, некогда почитаемый Ципко, Сен-Симон, самостоятельно, путем самообразования, получивший и постоянно пополнявший из самых различных областей как исторических, так и естественных наук энциклопедические знания, под влиянием современных ему работ по экономике первым заговорил о «положительной науке» и попытался преодолеть метафизический и идеалистический характер представлений об истории человечества.

Именно тогда энциклопедист-Гегель, создав диалектический метод и применив его к полученной им из разных областей познания огромной сумме знания, впервые в истории мысли, сумел, хотя еще и на идеалистической мировоззренческой платформе, представить развитие мира, общества в том числе, во всеобщей связи. Именно тогда Фейербах (тоже энциклопедист в отличие от большинства нас, современных обществоведов, изучающих в отечественных университетах и институтах общество односторонне, с точки зрения или философии, или экономической теории, или социологии, или политологии, или правоведения) через критику идеализма Гегеля пришел к выводу, что именно естествознание является основой, фундаментом, *всего* здания науки. В последующем этот вывод без каких-либо сомнений и оговорок был воспринят Марксом и Энгельсом.

Но (антропологический) материализм Фейербаха, как известно, оказался половинчатым и заканчивался на человеке как *природном* существе. Потребовав исходить в изучении общества из реального факта бытия живого человека, Фейербах, не сумев охватить всю жизнедеятельность людей во всем ее многообразии, остановился на «естественной» природе человека и потому не смог материалистически понять и объяснить *общественную* историю развития человечества. К тому же в процессе критики гегелевского идеализма он должным образом не оценил значение для теоретического анализа диалектического метода, требующего рассматривать любые явления и процессы общественной жизни во всеобщей исторической связи. Разрубить «гордиев узел» познания истины выпало Марксу (и Энгельсу), открывшим материалистическое понимание истории, успешно применившим это открытие к анализу современного им общества и, тем самым, указавшим на возможность научного изучения совместной жизни людей.

Со времени создания марксизма для людей, познавших и принявших материалистическое понимание истории людей, все знание об обществе делится на *идеологию* как превратное, иллюзорное (по отношению к науке «ложное») сознание и *науку* как точное, постоянно уточняемое, для настоящего момента предельно уточненное и потому объективное знание.

Именно опираясь на материалистическое понимание истории, Маркс и Энгельс к различным видам идеологии, наряду с *религией* и *философией*, отнесли *мораль*.

Здесь, что чрезвычайно важно для борьбы с опошлением марксизма, следует всегда помнить, что, отмечая *превратный, ложный*, характер идеологии, отдельных ее видов и форм, Маркс и Энгельс никогда не рассматривали идеологические явления и процессы как нечто «случайное», как некое «недоразумение», которое можно не принимать в расчет. Наоборот, они воспринимали и (критически) анализировали идеологию, ее виды, как одну из сторон истории, как *необходимый продукт* исторического развития, не только присутствующий в нем, но непосредственно и активно участвующий в естественноисторическом процессе и потому влияющий на него.

Мораль, будучи разновидностью идеологии, конечно, имеет определенное значение для социализации человека, его адаптации к существующим общественным отношениям, а также нравственного воспитания, поскольку может играть роль внутреннего «табу» в поведении и отношении индивидов к окружающему миру, другим людям в обществе. Но сколько бы в прошлой и настоящей истории человечества нравственные императивы не преподносились людям в форме религиозных проповедей или философских учений об этике, это ничуть не мешало (и не мешает!) им воровать, грабить, насиловать, развязывать войны и т.п. Всякая мораль отходила, как правило, на второй план перед стремлением людей (индивидов, сословий, классов и целых государств) любыми способами удовлетворить свои частные экономические интересы. При этом всегда выяснялось, что у каждого из них *своя «правда»* и *свое* представление «о добре и зле», о справедливости. Мораль, как и любая идеология, всегда *субъективна* и потому с помощью «морального» подхода к истории достичь объективной истины в принципе невозможно.

Ципко, если еще не поздно, нужно выбирать: или художественная проза, или научный анализ. Смешение жанров неизбежно порождает идеологию, т.е. превратное сознание, распространение которого в обществе вместо пользы приносит только вред.

Философское видение марксизма, или видения философствующего гуру

Ципко вспоминает, что в годы его студенчества он был среди «действительно способного меньшинства», которое «изучало марксизм по трудам самого Маркса, а не по учебникам». Если это было так, то, берусь утверждать, для него это стало пустую потраченным временем. И вот почему.

1. Александр Ципко никогда не понимал *сути* материалистического понимания истории, открытого Марксом, и потому в понимании и объяснении истории, советского общества в том числе, оставался идеалистом и, следовательно, идеологом. В статье «Как это было» он, что делает ему честь, сам в этом признается: «Все мы, участники этой контрреволюции, воспитанные на Гегеле, который учил, что все мыслимое становится действительным, оказались заложниками исходного материализма наших воззрений». (Понятно, что утверждение, что все участники перестройки были

«воспитаны на Гегеле», является явной передержкой, свойственной идеологу и употреблено здесь лишь для «красного словца»).

Признавая на словах во времена СССР то, что он сегодня называет «азбукой марксизма» («общественное бытие определяет сознание» и примат экономики, материального производства, перед другими сторонами исторического процесса и т.п.), Ципко просмотрел *азбучное* требование метода Маркса изучать и устанавливать «материалистическую связь, объединяющую людей в определенное сообщество» в *каждом отдельном случае*. Между тем, только *такое* знание, предмет которого имеет количественные характеристики и потому может быть математически выражен (отсюда интерес Маркса к математике и ее прекрасное знание) является в науке точным знанием и обеспечивает, равную *естественнонаучной*, точность последующего анализа любых социальных и политических процессов в обществе. Без конкретного знания этой, для всего общественного организма исходной, «материалистической связи» как связи по поводу материального производства, затрагивающего *экономические* интересы *всех* людей, «общественное бытие» можно легко толковать и представлять себе и другим идеалистически. Без конкретного знания «материалистической связи» общества открывается широкий простор субъективизму, различным мнениям, которые по отношению к науке, говоря словами Маркса, носят «превратный, ложный» характер.

Как и все остальные (включая и автора этих строк), декларируя во времена СССР верность марксизму и материалистическому пониманию истории, Ципко никогда, в том числе и в силу объективных причин, не имел ясного представления о реальных экономических отношениях «социалистического» общества, о реальном распределении «общенародной» собственности. Обо всем том, что в годы «перестройки» Гавриил Попов довольно условно назвал «административной системой» хозяйствования. Мы все, включая специалистов по политэкономии социализма, тогда этого не знали. Поэтому в своих теоретических изысканиях и метаниях Ципко мог опираться и опирался не на отсутствовавшее у него тогда знание конкретных экономических отношений в «стране Советов», а на идеи, «точки зрения», близких и понятных ему авторов. И, конечно же, как того требовал идеологический устав КПСС, на различные, вырванные из контекста положения из трудов Маркса, Энгельса и Ленина. Но, увы, не на их принципиальную позицию.

По этой причине Ципко полагает, что 1986-1991 годы отечественной истории, которые он называет «странной контрреволюцией», были и остаются *чуждом*, хотя и непризнанным; что причина устойчивости коммунистического режима заключена «в поразительном русском долготерпении и пассивности русского народа» и что СССР «погиб из-за наивности, легкомысленности его последних вождей и деградации общественной мысли». Для него как для теоретика просто не существует трудностей экономического развития СССР, как после большевистской революции, так и после

Великой Отечественной войны, отражавшихся в политике КПСС, регулярных пленумах ЦК по сельскому хозяйству и развитию промышленности. Для него не существует того действительного факта, что именно вся политика и идеология КПСС начала шататься и развалиться после того, как СССР в «холодной войне» потерпел экономическое (и уже вслед за ним идеологическое) фиаско.

Конкретных знаний о «материалистической связи» общества сегодня нет и у исследователей и теоретиков постсоветской России, поскольку значительная часть экономики остается в «тени», зарплаты многим по-прежнему платятся в конвертах, а реальные доходы «государевых людей» из-за громадных масштабов коррупции в стране подсчитать вообще невозможно. Нет их и у Ципко, а без этого любые теоретические построения, «красные» и «белые», «правые» и «левые» проекты нашего жизнеустройства (равно как и их критика!) не имеют никакого практического смысла, поскольку они изначально «вилами на воде писаны» и потому неизбежно идеологичны и не научны.

2. Отталкиваясь от известного, по сути механистического, деления марксизма на «раннего Маркса», Маркса «философа и гуманиста», и «позднего Маркса», Маркса – теоретика классовой борьбы пролетариата, Ципко сегодня говорит, что уже с конца 60-х годов отдавал предпочтение первому. Но это означает, что он всегда игнорировал то обстоятельство в истории марксизма, на которое сам Маркс указывал прямо и определенно, когда писал, что главная цель («уяснение дела самим себе») в поиске им и Энгельсом метода научного познания общества была достигнута лишь в 1846 году, при совместной работе над «Немецкой идеологией». И, следовательно, любившиеся Ципко со студенческих лет «Экономическо-философские рукописи 1844 года» Маркса должны рассматриваться лишь в рамках становления марксизма как одна из работ подготовительного периода.

Точно так же Ципко не заметил, что «молодой Маркс» еще до «Рукописей 1844 года» в статье «К критике гегелевской философии права. Введение», рассуждая на тему «полного возрождения человека» в условиях гражданского общества, связывал это возрождение с образованием пролетариата как «сердцем эмансипации человека». Более того, изучая марксизм «по трудам самого Маркса, а не по учебникам», Ципко, нередко очень вольно обращался (и обращается) с этими трудами, выдавая свои, неточные и потому путаные, представления о марксизме за точку зрения Маркса.

В частности, в книге «Идея социализм» (1976) он утверждал, что в «Экономическо-философских рукописях 1844 года» Маркс определял высшую стадию будущего, на коллективных началах построенного, общества как социализм. Однако внимательное прочтение этой работы показывает, что термин «социализм» употреблялся здесь лишь для характеристики того, что Маркс называл «положительным самосоз-

нением» человека и представлял себе как отражение в сознании (социалистических) людей «положительной действительности человека».

Сегодня, как и 30 лет назад, точности в понимании (и изложении!) идей Маркса у Ципко не добавилось. Повествуя о том, «как это было», он пишет: «Впрочем, и мы, обществоведы конца 60-70-х, делали то же самое, опровергали Маркса, революционера, создателя учения о диктатуре пролетариата и пролетарской революции, его же словами, правда, словами «молодого Маркса» о всесторонне и гармонично развитой личности, о «коммунизме как подлинном гуманизме». Из приведенного рассуждения Ципко вытекает, будто «молодой Маркс» представлял себе коммунизм как «подлинный гуманизм». Но здесь он опять крайне неточен и совершает «холостой выстрел».

В «Рукописях 1844 года» Маркс, отнюдь, не рассматривал коммунизм как «подлинный» гуманизм. Точно также как атеизм является здесь для Маркса гуманизмом, «опосредованным с самим собой путем снятия религии», так и коммунизм оказывается гуманизмом «опосредованным с самим собой путем снятия частной собственности». И в том, и в другом случае гуманизм возникает в результате снятия и потому несет на себе «печать отрицания». Вот почему Маркс-диалектик тут же добавляет: «Только путем снятия этого опосредствования, - являющегося, однако, необходимой предпосылкой, - возникает положительно начинающий с самого себя, *положительный* гуманизм». (Для справки: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд., т. 42, с. 169). Не коммунизм, а именно «положительный гуманизм» был для Маркса в 1844 г. тем, что Ципко называет «подлинным гуманизмом». Что же до положения о «всесторонне и гармонично развитой личности», то оно у «позднего» Маркса встречается чаще, чем у «раннего».

Толковать вольно, по своему вкусу, факты, тексты и термины – «привилегия» идеологов как носителей превратного сознания, и Ципко как типичный представитель такового пользуется ею в полной мере.

3. С точки зрения марксизма, как он представлена в трудах Маркса и Энгельса, а не так, какой ее видит Ципко, он идеолог *дважды* – и как моралист, и как философ.

Позиционируя себя как философа и одновременно как знатока марксизма, он, похоже, никогда не задумывался над тем, почему 28-летний Маркс, начинавший как блестящий философ, после открытия им материалистического понимания истории, определив философию как разновидность идеологии, написал, что «философия и изучение действительного мира относятся друг к другу, как онанизм и половая любовь». Возвышенно-трелетное отношение к философии Ципко также говорит о его идеологическом, по отношению к науке ложном, *видении* и понимании марксизма.

В контексте идей Маркса и Энгельса, - не отдельных, произвольно вырванных, цитат, а границах их идейно-теоретической позиции – философия предстает как (до-научная) форма *теоретического* мышления. И это, действительно, так, поскольку по своему содержанию философия есть *теоретическое мировоззрение*, присущее лю-

дям обладающим, наряду с обыденными, повседневными, специальными знаниями об окружающем их мире. Все люди, вплоть до неграмотного средневекового крестьянина, имеют некое мировоззрение, или свой взгляд на мир, и в этом отношении они все, хотя и по-своему, являются «философами». Однако *профессиональными* философами (мудрецами) в истории познания становились только ученые люди, те, кто по сравнению с современниками, обладал широкими специальными знаниями, позволявшими им теоретизировать в отношении общих, вплоть до так называемых «вечных», вопросов бытия людей.

Как теоретическое мировоззрение, как форма теоретического мышления, философия с открытием материалистического понимания истории исчерпала свой позитивный познавательный потенциал. Не случайно, спустя 40 лет после написания им и Марксом «Немецкой идеологии» Энгельс, указав на открывшиеся, благодаря Марксу, возможности получения в области изучения природы и общества вместо спекулятивных научных теоретических знаний, оставил за философией право на изучение только сознания. (И то только потому, что в конце XIX века еще не было сколь либо точных естественнонаучных данных о природе мозга).

В той же связи Энгельс со всей определенностью сказал, что с тех пор, как материализм стал диалектическим, он более не нуждается *ни в какой* философии. В силу той же причины вершиной философского мышления он, как и Маркс, считал Гегеля. И Ципко, как философу, следовало бы задуматься, почему после Гегеля, немецкой классической философии вообще, начиная со второй половины XIX века, эта форма теоретического мышления ничего столь же крупного и значительного не приобрела. Почему ее самые значительные представители жили за счет учений Канта и Гегеля, плодя очередные, от реальной жизни оторванные, «школы» и направления в рамках неокантианства и неогегельянства. Ну, и конечно, неомарксизма, существующего на основе метафизического представления о «раннем» Марксе, Марксе-философе, Марксе-гуманисте.

Конечно, как нельзя людям запретить верить в чудеса, в сверхъестественные силы, так и нельзя профессиональным ученым, имеющим всесторонние специальные знания, запретить, отталкиваясь от этих знаний, размышлять о мироустройстве вообще и, следовательно, философствовать. История отечественной науки знает примеры такого рода (Д.Менделеев, К.Циолковский, В.Вернадский). Но, во-1-х, реальный вклад таких людей в науку определяется не их виртуальными рассуждениями, а таблицей химических элементов, открытиями в области аэро- и ракетодинамики, фундаментальными исследованиями в области геохимии и биогеохимии, а, во-2-х, их философские размышления, находясь «в стороне» от политики и политической истории народов и государств, не участвуют в засорении массового сознания профессиональными идеологами и не добывают таким аморальным способом хлеба насущного.

Идеологический стриптиз защитника «морального подхода»

Сегодня, нападая на идеологов проекта «Россия», Ципко говорит о том, что, якобы, уже полвека назад, еще со студенческих лет, считал, что «марксистскую утопию тотального обобществления средств производства и общественной жизни невозможно провести в жизнь без тотального насилия». Но это заявление Ципко – ложь. Причем не идеологическая, совершаемая по заблуждению, ложь, запутавшегося в абстрактных теоретических конструкциях ума, а ложь самая обыкновенная, вульгарная.

Никто иной, как Александр Ципко, отстаивал, и в этом он был прав, историческое значение Сен-Симона, Фурье и Оуэна для последующего развития социалистической мысли, когда в книге «Идея социализма» писал, что «большинство авторов обходят стороной вопрос об исторической преемственности между идеями великих социалистов-утопистов и учением Маркса и Энгельса о социализме». Ни о каком «утопизме марксизма» или «тотальном насилии» при социализме тогда этот идеолог ничего не говорил.

Это сегодня Ципко употребляет кавычки, когда пишет о «научном», «единственно верном» марксистском мировоззрении. В середине 70-х годов он так не считал. Наоборот, в книге «Оптимизм истории» (1974) он исходил из представления о преимуществах «реального социализма» перед капитализмом и «светлом будущем» советских людей.

Для любого идеолога, не знающего экономических фактов, или игнорирующего их, вполне естественно опираться на мнения тех, кого в данный момент среди пропитанной превратным сознанием части гуманитарной интеллигенции принято считать «авторитетами» общественности. Но идеологическая мода на таких «авторитетов» как приходит, так и проходит. Человек науки никогда не следует такой моде, а идеолог – всегда. И Александр Ципко до наивности в этом откровенен, когда о себе и своем окружении говорит: «Тогда мы, вслед за ставшим в начале 90-х модным Николаем Бердяевым, утверждали, что «коммунистическая идея сама себя изжила, что она не может иметь никакого ореола».

Согласно той же идеологической моде он относит сегодня к «выдающимся российским мыслителям», вслед за Бердяевым, Семена Франка, Петра Струве (между прочим, хотя и «легального», но марксиста!), Ивана Ильина, но нападает на Маркса и большевиков, Ленина, прежде всего.

Критика идеологом Ципко марксизма и большевизма, Ленина и социализма – тема особая. В данном случае вполне можно ограничиться двумя следующими замечаниями. Первое. «Большевизм» - термин идеологический, а не научный, на что указывал сам большевик № 1, но чему, естественно, не придают никакого значения идеологи разных видов и рангов.

Второе. Если очень хочется «кинуть камень» в Ленина, то предварительно не мешало бы задуматься над мемориальной оценкой Ленина Каутским – современником Владимира Ульянова, бывшим вначале его соратником в интернациональной борьбе за освобождение рабочего класса, но после 1914 г. превратившегося в идейного противника и принципиального критика большевизма. По поводу смерти Ленина Каутский писал: «Правда, вследствие наших разногласий по существу, он лично резко нападал на меня, и еще большее были для меня нападки на все те элементы, также социалистические, которые расходились с воззрениями Ленина. Но в момент смерти мы должны оценить всего человека, а не только несколько лет его жизни, не только несколько сторон его деятельности, и все личное должно замолчать. Наши разногласия не должны делать нас слепыми к величию усопшего. Он был колоссальной фигурой, каких мало в мировой истории».

Идеология, в том числе и мораль, вообще штука очень удобная, поскольку, не требуя точности знания действительности, существуя в мире всевозможных, в том числе противоположных, идей и представлений, она позволяет «лепить» из этого теоретического материала любые мысленные конструкции и смотреть на историческую реальность со стороны. Она позволяет такому теоретику принять благообразный вид, примерить на себя чистые одежды и белые перчатки, чтобы затем тех, кому волею судьбы и собственного морального выбора пришлось, действуя практически, пройти с народом через испытания войнами, голодом, расстрелами и, конечно, кровью, подвергнуть своему «праведному» гневу с позиции вселенской морали. Все это содержит в себе изрядную дозу лукавства и лицемерия. Александр Ципко не свободен ни от того, ни от другого.

Как идеолога и моралиста Ципко возмущает то, что «в идеологии, в морали мы не только ничего не делаем для преодоления классового морали, для преодоления ленинского «нравственно все, что служит победе коммунизма», но, напротив, восстанавливаем, реабилитируем ленинизм».

К чему все *это*, Александр Сергеевич? Какую «классовую мораль» мы сегодня должны преодолевать? *Коммунистическую*? Но в представлении Маркса, Энгельса и Ленина при коммунизме не должны быть никаких классов и, следовательно, никакой «классовой» морали.

Если имеется в виду *пролетарская* мораль, то в СССР ее как морали «класса пролетариев» попросту не было, поскольку не было самого этого класса. Пролетариат как класс – явление буржуазного общества и то, что в СССР существовало под именем *рабочего класса* никакого отношения к действительному пролетариату и его морали не имело. У действительного, реально существовавшего в СССР, рабочего класса, рекрутированного из мелкобуржуазной деревни, не было никакой «пролетарской» морали. Его мораль, если вы хотите того, что называется «классовым анализом», была скорее мелкобуржуазной, породившей среди городских рабочих целый

слой «несунов», таскивших с «социалистических» предприятий все, что могло им пригодиться в личном хозяйстве.

«Пролетарская» мораль, причем не в виде *собственных* этических принципов и представлений, а в виде некоей *абстракции*, существовала, в первую очередь, в сознании «партократов» и «бойцов» идеологического фронта, среди которых Вы были не последним и, уж точно, не рядовым.

Вместе с другими тогда, как идеолог советской эпохи, Вы «несли» *эту* абстракцию в массы. Сегодня, будучи идеологом постсоветской России, выбравшим для себя в виде теоретической опоры «европейскую христианскую мораль», Вы «воюете» с тем, что ранее было Вашим «хлебом». В любом случае, как идеолог, Вы, при отсутствии точных научных знаний и твердых убеждений, имея лишь мнения обо всем понемножку, боритесь с продуктами ума, чаще всего идеологического. А, между тем, «караван Жизни» проходит мимо Вас своей, Вам неизвестной, дорогой. От того и грустно.
